

К. : Логос, 2000. – 274 с.

10. Буткін В. Постсоціалістична трансформація власності // Економіка України. – 2007. – № 2. – С. 39-44.

11. Стиглер Дж. Оптимальная принуждение к соблюдению законов. В кн.: Истоки: Экономика в контексте истории и культуры / Редкол. Я.И. Кузьминов, В. С. Автономов, О. И. Ананьин и др. – М.: ГУВШЭ, 2004. – С. 349-367.

12. Сото де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. – 273 с.

13. Дементьев В. Проблема власти и экономический анализ. В кн.: Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес / Под ред. Р.Н. Нуреева. Ростов-на-Д.: Наука – Пресс, 2006. – С. 77-98.

14. Тамбовцев В. Улучшение защиты прав собственности – неиспользуемый резерв экономического роста России // Вопросы экономики. – 2006. – № 1. – С. 21-36.

15. Hsiung B. Economic Analysis of Law: An inquiry of its Underlying Logic // Erasmus Law and Economics Review. – 2006. – № 1. – P. 1-33.

16. Block W. Private – Property Rights, Erroneous Interpretations, Morality and Economics: Reply to Demsets // The Quarterly Journal of Austrian Economics. – 2000. – Vol. 3, № 1. – P. 63-78.

17. Белянин А. Даниел Канеман и Вернон Смит: Экономический анализ человеческого

поведения // Вопросы экономики. – 2004. – № 1. – С. 4-23.

18. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / Пер. с англ. – М.: Дело, 2001. – 408 с.

19. Ерзнкян Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 121-135.

20. Ослунд А. Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Пер. с англ. – М.: Логос, 2003. – 720 с.

21. Барановский А., Сиденко В. Проблемы собственности и легализации капиталов и доходов в Украине // Зеркало недели. – № 18-19. – С. 12.

22. Олейник А. «Институциональные ловушки» постприватизационного периода в России. // Вопросы экономики. – 2004. – № 6. – С. 79-94.

23. Сенин К. Институциональная теория бесконечного передела. // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 14-19.

24. Геєць В. Взаємодія довіри і розвитку. // Економічна теорія . – 2005. – № 2. – С. 3-17.

25. Радыгин А., Энтов Р. Институциональные компоненты экономического роста // Вопросы экономики. – 2005. – № 1. – С. 14-38.

Статья поступила в редакцию 26.06.2008

**И.В. РОЗМАЙНСКИЙ, к.э.н., доцент,
СПб филиала ГУ-ВШЭ, Россия**

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ТРЕХ ОСНОВНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПОСТКЕЙНСИАНСКИЙ ПОДХОД

В данной работе предлагается новый подход к сравнительному анализу экономических систем, подход, базирующийся на посткейнсианской традиции экономического анализа (эту традицию можно трактовать как особую ветвь институционализма [7, с. 22-32]). Различия между разнообразными экономическими системами рассматриваются с точки зрения того, каким образом в этих системах берутся с неопределенностью будущего. Иными словами, различные экономические системы характеризуются разными институтами. В посткейнсианской традиции под институтами понимаются различные механизмы уменьшения издержек, связанных с необратимостью про-

шлого и неопределенностью будущего. В разных экономических системах неопределенность пытаются снизить разными институтами.

В соответствии с посткейнсианской трактовкой, неопределенность будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. По этому поводу Дж. М. Кейнс писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка,

© И.В. Розмайнский, 2008

и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительно степени неопределенной. ... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем» [2, с. 284]. Нам не известны ни количества исходов, ни вероятности наступления каждого из них.

В этом плане неопределенность отличается от риска, при котором будущее можно описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества исходов, и вероятности наступления каждого из них. Здесь сразу следует оговориться, что в неоклассической традиции различие между риском и неопределенностью игнорируется, и эти термины обычно используются в качестве синонимов, как, например, в теории ожидаемой полезности. Естественно, посткейнсианцы ни в коем случае не могут согласиться с таким смешением понятием, которое сразу же уничтожает уникальность их подхода.

При этом неопределенность будущего, в свою очередь, бывает двух типов; первый тип - неясность [ambiguity], и второй тип - фундаментальная неопределенность [fundamental uncertainty] [9]. При неясности будущее неопределенно, но познаваемо. Этот тип неопределенности связан исключительно с ограниченными познавательными способностями людей. Фундаментальная неопределенность означает не только отсутствие знаний о будущем, но и его непознаваемость. Эта непознаваемость связана с тем, что значительная часть нужной информации еще не создана. Таким образом, между настоящим и будущим (а также прошлым) возникают фундаментальные онтологические различия, и в этом - одно из базовых отличий посткейнсианства от неоклассического подхода.

Здесь можно добавить, что фундаментальная неопределенность - это характеристика неэргодичной экономической среды, т. е. такой среды, в которой между прошлым, настоящим и будущим существуют онтологические различия, в результате чего их нельзя описывать одной и той же функцией вероятностных распределений. Отсюда следует, что неопределен-

ность (здесь и далее мы будем иметь в виду именно ее второй тип) существует далеко не во всякой экономической системе.

Неопределенность представляет собой проблему сложной экономической системы, «сложного общества» [6]. Под «сложностью» мы имеем в виду два аспекта. Во-первых, применение в производстве активов длительного пользования, вследствие чего производственная и вообще хозяйственная деятельность оказывается «растянутой» во времени. Как писал Дж. М. Кейнс: «Именно из-за существования оборудования с длительным сроком службы в области экономики будущее связано с настоящим» [1, с. 140]. Во-вторых, высокую степень специализации людей и, соответственно, большую глубину разделения труда, вследствие чего люди оказываются тесно взаимосвязанными между собой. Именно совокупность этих двух свойств и представляет собой фундаментальную характеристику сложной экономической системы.

Даже поверхностный экскурс в такие дисциплины, как экономическая история или сравнительный анализ экономических систем, показывает, что далеко не все существовавшие за историю человечества экономические системы можно назвать «сложными». Если использовать марксистскую и околomarксистскую терминологию, то первобытнообщинный строй, азиатский способ производства, экономика античного рабства, западноевропейский феодализм будут представлять собой примеры «несложных», «примитивных» систем. Если же использовать терминологию из неоклассических учебников по экономике, то речь может идти о традиционной экономике. В общем, оба свойства, превращающих экономическую систему в «сложную», являются продуктом экономического, социального и технологического развития [6].

Рассмотрим первое свойство - применение в производстве активов длительного пользования. Здесь подразумеваются, в первую очередь, различные элементы машинного оборудования. Ясно, что существование машинного производства - признак развитости, причем не только технологической (что само собой разумеется). Ведь внедрение машин в производственную деятельность возможно только при определенных социальных институтах.

Примерно то же самое можно сказать и о втором свойстве. Большая глубина разделения труда достигается только тогда, когда навыки людей в определенных областях достигают определенных уровней технического совершенст-

ва, и, при этом, когда соответствующие социальные институты обеспечивают их специализацию. Разделение труда, как и машинное производство, возможно лишь при определенных институтах.

Крайне важен тот аспект, что любая сложная экономическая система сталкивается с необходимостью координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего [6]. При этом такая проблема присуща только сложной системе. В хозяйстве, в котором степень разделения труда низка, и каждый производит только для себя, не существует неизбежной экономической взаимосвязанности между людьми, и проблемы координации вообще не возникает. В хозяйстве, в котором производство не требует времени, но глубина разделения труда велика, проблема координации возникает, но решается приблизительно так, как описывается в Вальрасианских моделях общего равновесия. Ведь в экономике без активов длительного пользования хозяйственная деятельность не приобретает временного измерения и, соответственно, проблем необратимости прошлого и неопределенности будущего не существует. Поэтому нащупывание [tatonnement] равновесного вектора относительных цен, удовлетворяющего всех агентов, не влечет за собой издержек (по крайней мере, таких, которые могли бы иметь место в реальной жизни современного мира).

Совершенно не так обстоит дело в сложной экономической системе. Как уже отмечалось, в любой подобной системе возникает необходимость координации хозяйственной деятельности при необратимости прошлого и неопределенности будущего. Данное обстоятельство требует фундаментального институционального выбора, определяющего, как люди решают проблему неопределенности. Здесь и проявляется специфика посткейнсианского подхода к анализу экономических систем. По словам посткейнсианца С. Руссиса: «То, как мы справляемся с неопределенностью [cope with uncertainty], определяет систему, при которой мы живем» [12, р. 17]. При этом различные «сложные общества» сформировали разные институты для того, чтобы «справляться с неопределенностью» [6].

Наиболее известная из этих систем – система рыночного капитализма, или, как еще любят говорить посткейнсианцы, денежная экономика. Важнейшие, базовые институты такой экономической системы – форвардные контракты, деньги как актив длительного пользования и государство как «защитник» контрак-

тов. Эти институты соотносятся друг с другом следующим образом.

Контракты обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ...но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек» [12, р. 23]. Согласно Я. Кригелю, «... как природа не терпит пустоты, так и экономическая система не терпит неопределенности. Она реагирует на отсутствие информации, которую рынок не в состоянии обеспечить, созданием институтов, уменьшающих степень неопределенности: контрактов о заработной плате, контрактов на ссуды, соглашений о поставках, торговых соглашений» [11, р. 46]. Таким образом, контракты – способ снижения степени неопределенности будущего. Иными словами, форвардные контракты как бы упорядочивают хозяйственную деятельность, имеющую временную протяженность [6].

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, необходим другой институт – деньги. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются как средство соизмерения контрактных обязательств и как средство их выполнения. Таким образом, деньги в денежной экономике представляют собой не просто «средство обращения» или «всеобщий эквивалент», а «... то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты и в чем удерживается запас общей покупательной способности» [10, р. 3]. Вот почему «важность денег в основном как раз и вытекает из того, что они являются связующим звеном между настоящим и будущим» [1, с. 273]. По меткому замечанию Ф. Карвальо, в денежной экономике контракты – грамматика, а деньги – язык [8, р. 102]. При этом сама денежная экономика понимается как «экономика, основанная на системе форвардных контрактов» [8, р. 102]. Мы вернемся к этому утверждению чуть ниже.

Еще один институт, без которого не мыслимо существование денежной экономики – государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий, не в борьбе с монополиями, и даже не в дискреционной макроэкономической политике, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению контрактных обяза-

тельств, или инфорсмент [enforcement]. Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию – то, что было когда-то названо нами институциональной неадекватностью государства [4], – резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики. Ведь институциональная неадекватность государства подрывает доверие к контрактам, вследствие чего большинство людей будет избегать их заключать. Соответственно, будет разрушаться сама основа денежной экономики – система форвардных контрактов!

Итак, денежная экономика (или рыночный капитализм) представляет собой сложную экономическую систему, базирующуюся на использовании форвардных контрактов, урегулированных посредством использования денег как актива длительного пользования и защищаемых государством. Именно институциональный выбор форвардных контрактов в качестве основного способа упорядочения и координации хозяйственной деятельности (вместе с деньгами и государством как институтами, «обслуживающими» функционирование системы контрактов) создает денежную экономику [6].

Но рыночный капитализм – не единственная разновидность сложной экономической системы. Другой весьма известный тип – система планового социализма, которая просуществовала несколько десятилетий в странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР.

Избегание неопределенности в этой системе пока еще, к сожалению, мало исследовано в посткейнсианской традиции (о других научных традициях говорить даже не приходится, поскольку в них роль неопределенности серьезно недооценивается или, как в неоклассической традиции, вообще игнорируется). Мы полагаем, что в экономике планового социализма неопределенность снижается посредством институтов, обеспечивающих плановую координацию хозяйственной деятельности. Это становится возможным благодаря концентрации почти всей экономической и прочей власти у «Верховного Органа Власти».

Плановые директивы предписывают производителям, что, как и для кого производить. Отношения предприятий друг с другом и с потребителями детально расписаны в плановых документах. В экономике планового социализма производители не сомневаются, что их продукция найдет сбыт. Иными словами, ликвидируется неопределенность, связанная с поступ-

лениями будущих денежных доходов. Поэтому, на первый взгляд, будущее становится намного более предсказуемым. При этом даже если какая-то часть продукции окажется нераспроданной, это не скажется на статусе производителя в том смысле, что не возникнет никаких угроз банкротства. Такое «положение институциональных дел» дополняют фиксированные цены, стопроцентная занятость, а также отсутствие финансовых рынков и, соответственно, финансовых спекуляций.

Означает ли все это, что система планового социализма снижает неопределенность в большей степени, чем система рыночного капитализма? Нет, не означает. Неопределенность денежных потоков, с которой сталкиваются производители в рыночной экономике, «заменяется» в плановой экономике неопределенностью товарных потоков, с которой сталкиваются они же, и, главным образом, потребители. Производители в точности не знают, смогут ли они достать нужные им ресурсы, а потребители не знают, смогут ли они достать нужные им товары и услуги. Дело в том, что, как известно из исследований Я. Корнаи [3], плановая координация хозяйственной деятельности создает проблему дефицита. Режим мягких бюджетных ограничений, являющийся следствием формальных институтов экономической системы планового социализма, порождает безграничный спрос предприятий на ресурсы. Возникает дефицит ресурсов и, как следствие, дефицит конечной продукции. Такая дефицитность большинства товаров в плановой экономике является как бы «аналогом» дефицитности денег в рыночной экономике. В системе рыночного капитализма «деньги нельзя производить по желанию», [1, с. 216]. В плановой экономике нельзя производить по желанию большинство товаров, поскольку частнопредпринимательская деятельность запрещена государством (работа на приусадебных участках не в счет).

Таким образом, уничтожение механизма децентрализованного принятия решений множеством различных хозяйствующих субъектов и его замена механизмом централизованного директивного управления хозяйством не ликвидирует неопределенность, а лишь меняет формы ее проявления. Мы полагаем, что данный тезис является важным с точки зрения посткейнсианского сравнительного анализа таких сложных экономических систем, как «рыночный капитализм» и «плановый социализм».

При этом, «историческая победа» одной из этих систем над другой, вызвавшаяся в сис-

темных трансформациях, имевших место в странах Восточной Европе и на территориях республик бывшего СССР в конце прошлого века, может трактоваться как следствие различной институциональной динамики этих систем, динамики, связанной все с той же целью, – уменьшение неопределенности.

Институты рыночного капитализма эволюционировали таким образом, чтобы производители получали более значительные гарантии поступления будущих денежных поступлений. Примерами соответствующей институциональной эволюции в XX веке являются олигополизация рыночных структур, дающая значительную рыночную власть выжившим в конкурентной борьбе фирмам, прогресс банковской системы, обеспечивающий эндогенизацию денежной массы через различные способы ухода коммерческих банков из под контроля центрального банка, а также институционализация дискреционной макроэкономической политики, отчасти гарантирующей денежные потоки производителям и финансовым посредникам. Подобная институциональная эволюция в целом способствовала как большей стабильности экономики рыночного капитализма, так и большому потенциалу экономического роста.

Иными словами, система рыночного капитализма имела такие институты, которые, в ходе их эволюции, направленной на дальнейшее снижение неопределенности, стабилизировали эту систему и повышали потенциал ее роста.

Совсем по-другому обстояло в дело в системе планового социализма. Здесь институциональная эволюция, направленная на уменьшение неопределенности, привела к дестабилизации этой системы и, в конечном счете, вызвала ее разрушение.

Важнейший элемент институциональной эволюции плановой экономики – повышение хозяйственной самостоятельности официально зарегистрированных производственных единиц и развитие теневой экономики. Именно эти изменения были ориентированы на более эффективное обеспечение производителей ресурсами, а потребителей – товарами. Тем самым, проблема дефицита, казалось бы, смягчалась, а значит, уменьшалась неопределенность. В этом плане, к примеру, политика эпохи «перестройки» была не «запланированной акцией западных спецслужб», а естественным следствием институциональной динамики планового хозяйства.

Однако такие изменения подрывали саму плановую экономику. Хозяйственная деятель-

ность предприятий все меньше ориентировалась на выполнение «спускавшихся сверху» централизованных планов, а руководители этих предприятий все больше интересовались тем, как присвоить активы этих предприятий или получить иные льготы и привилегии.

В результате те хозяйствующие субъекты, которые пытались соблюдать установленные правила игры, несли потери в благосостоянии, в сравнении с теми, кто вел себя оппортунистическим образом. Таким образом, все большее количество субъектов начинало нарушать правила игры системы планового хозяйства. Одни стали богатеть, другие беднеть, причем последнее выражалось, в частности, в усугублении проблемы дефицита, с которым сталкивалось большинство субъектов такой системы. Поэтому плановая экономика оказалась «обреченной на поражение».

В общем, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой экономическая система планового социализма имеет склонность к саморазрушению вследствие специфической институциональной динамики этой системы, динамики, направленной на снижение неопределенности. В целях уменьшения неопределенности экономические субъекты начинают формировать такие неформальные институты, которые оказываются неконгруэнтными (т. е. несовместимыми) с базовыми формальными институтами такой системы. В результате возникают явления, подрывающие систему планового социализма. К таким явлениям можно отнести развитие теневой экономики в целом и теневого предпринимательства в частности, номенклатурную приватизацию, торговлю партийными правами и привилегиями, ориентацию основной массы населения на личное обогащение, неверие в общественную идеологию, «цементирующую» плановую систему (мы имеем в виду коммунистическую идеологию) и т. д.

Иными словами, попытка снизить неопределенность в сложной экономической системе через формирование формальных институтов административно-командного управления хозяйством с течением времени приводит к такой динамике неформальных институтов, при которой они оказываются с ними несовместимыми и подрывают эту систему. Данное обстоятельство связано с тем, что неопределенность товарных потоков, представляющая собой форму актуализации неопределенности в системе планового социализма, является непреодолимым препятствием для эффективного развития экономики, в которой она имеет место. Основная причина состоит в том, что де-

фицит товаров отбивает стимулы к инновациям (а также к честному труду и вообще эффективным инвестициям). При этом такая форма неопределенности не может быть полностью устранена в плановой экономике, а попытки ее смягчения в виде институциональной динамики, о которой шла речь выше, разрушают эту экономическую систему.

А как обстоит дело с неопределенностью в еще одной сложной экономической системе, пока что мало исследованной как посткейнсианством, так и другими научными школами, – системе семейно-кланового капитализма? Мы имеем в виду систему, которая существовала и отчасти сохранилась на Юге Европы (особенно в южных частях Италии) и в некоторых латиноамериканских странах, а также почти сформировалась в настоящее время в некоторых республиках-членах бывшего СССР [5]. В такой системе для обеспечения координации хозяйственной деятельности не используются ни безличностная система форвардных контрактов вкупе с деньгами и государственным инфорсментом, ни институт директивного планирования вкупе с государственной собственностью на средства производства. Указанная координация осуществляется в рамках разнообразных семейных и/или клановых связей. Данный тезис означает, что принуждение к выполнению взятых обязательств осуществляется либо в рамках семейно-родственных отношений, либо через соответствующие иерархические структуры преступных или просто «теневых» кланов [5].

Представляется, что эта система, несмотря на наличие частной собственности и децентрализацию принятия большинства экономических решений, не столь эффективно снижает неопределенность, как «обыкновенный», рыночный капитализм. Дело в том, что осуществление координации посредством принуждения со стороны различных семей и/или кланов приводит к «разделению на чужих и своих». Такое разделение проявляется в том, что конкретный человек ведет себя честно и лояльно по отношению к членам своего клана, но, в то же время, действует оппортунистическим образом по отношению ко всем остальным агентам. В результате утрачивается взаимное доверие, и происходит «фрагментизация» хозяйства. Распространение и укоренение взаимных ожиданий проявления оппортунизма, разумеется, не способствуют действительному снижению неопределенности и отбивают стимулы к заключению ряда сделок и реализации многих инвестиционных проектов. Кроме того, большая роль преступных кланов приводит к значительной

доле теневого сектора в экономике. Это означает, что получает распространение ориентация на быструю окупаемость проектов. Инвестиции с длительным сроком окупаемости зачастую отвергаются. Все вышесказанное наводит на мысль о том, что экономическая система семейно-кланового капитализма не способна обеспечить эффективное размещение ресурсов и основанный на инновациях экономический рост [5]. Она может расти лишь за счет активного экспорта ресурсов, что мы можем наблюдать на примере России начала XXI века.

Мы полагаем, что наилучшим образом способствует снижению неопределенности такая разновидность сложной экономической системы, которая сочетает основные экономические свободы (прежде всего, свободы предпринимательства и труда) с беспристрастным обеспечением инфорсmenta со стороны государства в виде самостоятельной судебной власти. Представляется, что к этому наиболее близок рыночный капитализм, и не случайно именно страны с такой экономической системой демонстрируют устойчивый рост, основанный на инновациях. В России не стоит рассчитывать на подобный рост до тех пор, пока не будут созданы такие институциональные способы снижения неопределенности, которые и сохраняют экономическую свободу граждан, и обеспечивают их равенство перед законом, уничтожая при этом стимулы к оппортунизму.

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М. «Гелиос АРВ». 2002.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости / Истоки. – Вып. 3. – 1998. – С. 280-292.
3. Корнаи Я. Дефицит. – М.: «Наука». 1990.
4. Малкина М. Ю., Розмаинский И. В. Основы институционального подхода к анализу роли государства / в кн. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) Под ред. Р. М. Нурева. – М.: МОНФ. 2001. – С. 554-577.
5. Розмаинский И. В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Том 2 (N 1). – 2004. – С. 59-71.
6. Розмаинский И. В. Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианской теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Том 5 (N 3). – 2007. – С. 58-68.

7. Скоробогатов А. С. Институциональная экономика. – СПб: СПб ФГУ-ВШЭ. 2006.
8. Carvalho F. J. C. Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for A Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar. 1992.
9. Dequech D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. Vol. 26 (1). 2000. P. 41 - 60.
10. Keynes J. M. A Treatise On Money. Vol. I. The Pure Theory of Money. London: Macmillan. 1930.
11. Kregel J. A. Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process // Journal of Post Keynesian Economics. 1980. Vol. 3 (1). P. 32-48.
12. Rouseas S. Post Keynesian Monetary Economics. London: Macmillan (3rd Edition). 1998.

Статья поступила в редакцию 25.06.2008

И.В. ПЕНЬКОВА, д.э.н., профессор,
Донецкий национальный технический университет

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА НЕРАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Двойственность природы информации заключается в том, что она выступает как единство определенности и неопределенности. Однако одновременно под информацией понимается сумма сведений, снимающих неопределенность, следовательно, ее можно рассматривать как некую определенность. Присущая информации неопределенность связана с неопределенностью отражения и вытекает из вероятностного характера движения материи. Этот тезис излагает и А.Славнова: «Неопределенность отражения возникает вследствие существования объективной неопределенности отражаемого предмета, что имеет место при воздействии на этот объект других объектов, а также ввиду того, что этот объект изменяется, развивается, то есть все время находится в процессе движения» [1, с.87]. Философский тезис о том, что не существует абсолютных истин, подтверждает исходное положение теории измерений об отсутствии абсолютно точных измерений так же как и теория относительности Эйнштейна, и означает наличие качественной и количественной неопределенности информации. Вместе с тем сама неопределенность в ряде случаев может содержать информацию. Так, законы математической статистики построены на том, что неопределенность при известных условиях представляется надежным источником информации. В свою очередь теория вероятности оперирует тем постулатом, что случайность (неопределенность) ситуации необходима и также выступает источником информации.

Следовательно, на сегодняшний день по-прежнему остается актуальной проблема влияния неопределенности на поведение экономического агента и определения понятия «рациональности» как с точки зрения неоклассической

экономической теории, так и с позиций современной науки с учетом происходящих трансформаций, свойственных рыночным преобразованиям современности. Именно исследование различных аспектов в рамках очерченной проблемы и выявление соответствия неоклассической рациональности особенностям поведения современного экономического агента в условиях неопределенности и является целью предлагаемой статьи.

Такая цель предполагает решение некоторых задач:

выявление основных особенностей функционирования экономических агентов в современных условиях рыночных трансформаций, обуславливающих высокую степень неопределенности и преобразование неоклассической рациональности;

тезисное обоснование понятие «оптимальная рациональность» как современной альтернативы неоклассической рациональности.

Информацию на уровне особенного человек может воспринять непосредственно в явлениях. Поэтому информация такого рода не только выделяется человеком из окружающего мира в процессе наблюдений, измерений и фиксируется, но и создается непосредственно в процессе человеческого труда. Наиболее подробно это положение исследует В.Чекмарев [2]. В данном случае возникает потребность в исследовании, какая информация целесообразна для восприятия, фиксирования и воспроизведения.

Скворцова считает, что целесообразная информация «отражает единую субстанцию экономической реальности во всем своем многообразии ее проявления в виде экономических